

Военное дело Казанского ханства

Казанские рода войск

Татарский воин ассоциируется с легким и мобильным конным стрелком, у которого, помимо лука со стрелами, на вооружении разве что сабля. Многие до сих пор убеждены в том, что казанское войско поголовно состояло из таких боевых единиц. Подтверждает это и Сигизмунд Герберштейн, довольно подробно описавший облик, вооружение и тактику казанских татар:

«Их оружие лук и стрелы, сабля у них редка... Если же им приходится сражаться на узком пространстве... они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве»¹.

Но есть и другая точка зрения. Письменные источники и археологические находки доказывают наличие в Казанском ханстве «панцирной» конницы, условно говоря, рыцарского типа. К примеру, «История о Казанском царстве» и другие памятники содержат упоминания о татарском «копейном бое». Сама данная формулировка воспринимается некоторыми как свидетельство регулярного применения казанцами копий в боевом строю.

---

¹ Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. — М.: Памятники ист. мысли, 2008.

Именно такие тяжелые отряды, по мнению историка Искандера Измайлова, составляли костяк казанского войска и служили главным его козырем на поле брани. Формировались они в основном из ратных корпораций самого хана, высших феодалов (эмиров, беков), карачей, а также огланов.

Общая численность подобных объединений во всем ханстве едва ли могла превышать несколько тысяч воинов. Хотя и это была весьма грозная сила — закованного в панцирь всадника с копьем можно смело считать тяжелым танком Средневековья и раннего Нового времени.

Львиную долю же казанских воинов составляли те самые легкие и маневренные конные стрелки, комплектовавшиеся преимущественно из мурз, казаков, чуры (аналог московских боевых послужильцев и безземельных дворян) и вооруженные лишь луком со стрелами.

В отдельных случаях набиралась пехота, включавшая в себя ополчения податных округов (даруг) и городов, а также силы подвластных татарам народов — черемисов, чувашей, мордвы. Эти контингенты можно с серьезными оговорками назвать чем-то средним между русскими крестьянскими пососниками и городскими пищальниками. В походах и полевых сражениях ополченцы участвовали крайне редко, видимо, выполняя вспомогательные и инженерные функции. Зато их боевая роль возрастала во время обороны или осады укреплений.

Имелась у Казани своя военная «изюминка», отличавшая ханство от прочих татарских государств: применение судовых ратей. Формировались они из тех же пеших ополченцев от даруг и подвластных народов, посаженных на речные суда. В источниках даже есть

упоминания о речных боях между русскими и казанскими войсками, например, в 1469 году.

Традиции судоходства Казанское ханство переняло еще от Волжской Булгарии. Находясь на берегах Итиля, трудно было удержаться от дальних плаваний: уж слишком заманчивые торговые перспективы открывались, куда ни направься. Как и в большинстве случаев, казанский военный флот развился из купеческого. Часть торговых судов, которые плавали на Русь, в Астрахань и даже выходили в Каспийское море, постепенно переоборудовали в боевые корабли. По большому счету, разница невелика: поставил на купеческую посудину пушки, вооружил команду луками с пищальями — и вперед. По оценке некоторых историков, в общей массе казанским татарам удалось «наклепать» порядка 200 судов, большинство из которых базировалось в устье реки Казанки.

В ханстве применяли боевые корабли нескольких видов. Первый — беспалубные суда по типу ладей, чем-то походившие на русские ушкуи. Они отличались высокой маневренностью и быстроходностью. Казанские «ушкуи» были гребными и в то же время имели съемную мачту и большой парус. Размеры и вместимость этих судов варьировались. В одни могло поместиться 30–50 ратников и несколько лошадей. Подобные лодки имели вспомогательный характер и широко использовались в десантных операциях. Другие татарские «ушкуи» вмещали 100–200 воинов и более серьезный груз. Скорее всего, именно суда второго типа чаще всего участвовали в речных сражениях.

В боевых действиях на воде казанцы применяли и насады — более крупные речные корабли с насаженными бортами и палубой. Для своего региона и времени это были своеобразные линкоры — огромные (конечно,

для речного судна), медленные и неповоротливые. Зато в них могло набиться множество лучников, а грузоподъемность насадов достигала 200 тонн и более. Именно они лучше всего подходили для размещения небольших бортовых пушек (тюфяков, фальконетов, или, по-русски, соколов), переброски крупных контингентов десанта. На носу и корме у них часто устраивали специальные надстройки над палубой для стрелков и пушек-тюфяков.

Еще одной составляющей вооруженных сил Казани являлись войска огненного боя. Долгое время бытовало мнение, будто огнестрельным оружием в ханстве пользоваться не умели вовсе. Конечно, до пороховой революции Казани XVI века было еще далеко и стрелы оставались главными «боеголовками» татар. Однако артиллерия и пищали все же применялись казанцами для защиты и взятия городов и крепостей, а также, по некоторым версиям, и для полевых сражений. Как показывают археологические данные, с пороховым оружием в Среднем Поволжье были знакомы еще со второй половины XIV века, а в слоях XVI столетия найдены стволы пищалей, многочисленные каменные ядра. В летописях встречаются краткие сведения о пушечном бое со стен Казани: *«А они тогда все на стену взбежали и бились из города, из пушек своих и из пищалей и из луков стреляя»*. Упоминает об этом и Сигизмунд Герберштейн, рассказывая об успешной обороне городских стен *«единственным пушкарем»* в 1523 году.

Из-за отсутствия источников о численности огнестрельных орудий у казанцев остается только гадать. Неясно и то, было ли в ханстве налажено собственное полноценное производство пушек и пищалей. Археологами обнаружены лишь следы изготовления

некоторых элементов огнестрельного оружия. Тем не менее некоторые исследователи утверждают чуть ли не наличие полноценного пушечного двора в городе уже в XV веке. Усомниться в этом заставляет не только археологический материал, но и письменные свидетельства. Например, в своем письме в Крым хан Сагиб Гирей просил направить в Казань пушки, пищали и янычар, без которых ему *«противу московских воевод стояти не мочно»*. Показательно, что наряду с орудиями запрашиваются военные кадры, умеющие с ними обращаться. Производство артиллерии могло просесть из-за экономического кризиса в связи с войной. А вот дефицит стрелков, способных вести боевые действия и обучать этому других, говорит о крайне низком распространении огнестрельного оружия в ханстве. Скорее всего, значительную часть орудий, которые казанцы применяли в бою, захватили у московских войск в ходе их неудачных кампаний 1506, 1524 и 1530 годов.

Сама Казань как крепость

В начале XVI столетия при взгляде на Казань откуда-нибудь с Арского поля и на Первопрестольную с Девичьего можно было увидеть немало сходств. Например, тот же протяженный пояс бревенчатых стен с зубцами островерхих башен-веж. Только в казанской картине над всем этим вместо луков и шлемов церковью взмывали тонкими стрелами с острыми наконечниками минареты мечетей. Культовую архитектуру столицы волжского ханства, увы, рассмотреть в рамках этой книги не удастся. Ограничимся обзором казанских фортификаций хотя бы для понимания, почему в ходе стольких походов XV–XVI веков взять город удалось лишь дважды: в 1487 году Ивану III и в 1552-м — его

грозному внуку. И то насчет первого эпизода сегодня в научной среде есть сомнения, было ли это полноценным взятием. Но не станем забегать вперед.

Конечно, далеко не во всех поволжских кампаниях русские войска доходили до самой Казани. Значительная часть неудач до 1552 года объяснялась прежде всего проблемами с логистикой и нехваткой перевалочных и ресурсных баз на пути к городу. Этот пробел восполняли и Василий III, поставивший на Суре Васильгород, и Иван Грозный, который основал Свияжск. Однако и сама Казань была вполне себе крепким орешком. В 1550 году московские силы безрезультатно осаждали город почти две недели и так и ушли несолоно хлебавши. А окончательно пала к ногам Ивана IV Казань в 1552 году после 41 дня осады. И это при чудовищном количестве стянутых туда войск, осадной артиллерии и боеприпасов. Какие же укрепления смогли так долго сопротивляться столь мощному натиску?

Как и в русских городах, фортификационным ядром Казани являлась городская цитадель, или, попросту говоря, кремль. Находился он там же, где и сегодня. Его площадь в ханский период составляла приблизительно 10 гектаров. Южная линия кремлевских укреплений шла вдоль рва, следы которого обнаружены археологами в районе церкви Киприана и Иустины. Именно с юга находились главные Большие ворота, выполненные в виде башни с защищенным проездом. Всего же в кремль вели четыре воротные башни.

С севера, по реконструкции Н. Ф. Калинина, тянулся еще один ров, отделявший кремль от каменного укрепленного ханского дворца. В ряде источников он часто именуется не иначе как «град». Но к нему вернемся позже.

Что касается самих кремлевских укреплений, то это были излюбленные не только в Казани, но и на Руси еще с глубокой древности бревенчатые городни. Вот как описывал такие сооружения академик Тихомиров в своей монографии «Древнерусские города»:

«Эти укрепления в основном состояли из вала, на котором были возведены стены и башни, подобные таким же стенам и башням позднейших острогов. Городские стены состояли из деревянных срубов, наполненных землей, — городни, плотно приставленных одна к другой и державшихся благодаря своей тяжести. Наверху стен, составленных из городниц, имелась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор — „забрала“, или „заборола“. Иногда словом „заборола“ обозначали и всю крепостную стену. В заборолах были устроены щели — „скважни“ — для стрельбы в нападающих... Стены укреплялись башнями — „вежами“, — иногда на каменном фундаменте»¹.

Не стоит недооценивать описанные укрепления.

Даже Батыевы орды так и не смогли взять некоторые русские деревоземляные крепости, например Кременец. А опоясанный подобными же городнями Киев пришлось осаждать семь недель. Да, артиллерии у татаро-монгол не было. Но чудовищное количество передовых для своего времени китайских метательных машин и зажигательных снарядов вполне могло сравниться со средним артиллерийским нарядом. Словом, когда в кинематографе демонстрируют русские (казанские от них ничем не отличались) деревоземляные укрепления

---

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — СПб.: Наука, 2008.

в виде ленты зубочисток, вспыхивающих от каждой искры, это не соответствует действительности.

На деле поджечь дубовые городни было не так и легко. Во-первых, при их строительстве использовались самые толстые бревна, так что горящие стрелы, как правило, к пожару не приводили. Подойти вплотную к стенам, чтобы запалить их, получалось далеко не всегда, ведь на боевых ходах располагались лучники, пищальники, а иногда и артиллерия. Во-вторых, на таких укреплениях держали запасы воды на всякий, в буквальном смысле пожарный, случай. В-третьих, наполнение крепостных срубов — земля, глина, бубльжники — препятствовало дальнейшему распространению огня, даже если уже занялись внешние бревна. В этой начинке порой даже вязли артиллерийские ядра мелкого и среднего калибра.

Усиливали защитный эффект глубокие рвы перед, а иногда и за стенами и земляные валы, на которых ставились городни с башнями-вежами. По данным археологии, в Казани рвы местами достигали 10–15 метров в глубину, что сопоставимо с высотой пятиэтажного дома. Впечатляли и габариты валов: 15–20 метров в ширину и 3–4 метра в высоту.

Идентичные укрепления защищали посад, который разросся на 300–500 метров вокруг кремля и занимал 60–70 гектаров¹. Судя по русским источникам, еще

---

¹ Это приблизительно половина территории Великого Новгорода XIII–XIV веков. Хотя для своего региона Казань была весьма крупным городом. По поводу численности населения города встречаются разные оценки — от 10–15 тысяч до 50–60 тысяч. Первый порядок цифр кажется куда более правдоподобным, учитывая довольно компактную площадь города и одно- и двухэтажную деревянную застройку.

в 1469 году никаких фортификаций там не было. Такой вывод напрашивается из летописного сообщения о разграблении в этом году казанского окольного города московскими ратниками под командованием воеводы И. Д. Руно. Укрепленный же посад впервые проскакивает в письменных источниках 1500 года, когда хан Абдул-Латиф *«повеле около града нарядити острог»*. По мере роста городской территории линия обороны переносилась все дальше от кремля. В конечном счете защищенная часть столицы расплзлась на юг до современной Астрономической улицы, на восток — до Черноозерской впадины и нынешней главной площади Тукая и на западе — до протоки Булак. Самый протяженный отрезок стен шел по обрывистому берегу реки Казанки.

Узкими местами в системе казанских укреплений, как и везде, были ворота. В общей сложности в источниках упоминаются до десяти воротных проездов. Так, в Царственной книге перечислены Арские, Аталыковы, Елбугины, Збойливые, Кабацкие, Крымские, Муралеевы, Ногайские, Тюменские, Царевы (Царские) ворота. Казанский летописец также сообщает о десяти проездных башнях, хотя и приводит другие названия. Наконец, живший в середине XVI века Х. Шерефи упоминает об обороне шести ворот в своем рассказе о неудачном штурме Казани московскими войсками в 1550 году.

В дополнение ко всем описанным укреплениям в случае военной угрозы казанцы довольно быстро создавали новые преграды силам неприятеля в особо проблемных зонах. Например, в ходе русского наступления 1530 года крымский ставленник на казанском престоле Сафа Гирей распорядился *«около посаду, по Арскому полю, от Булака и до Казани реки, округ его рвы копайте по-за острогу»*.

Теперь вернемся к «граду» — каменному ханскому дворцу, расположенному севернее кремля. Судя по всему, это была типичная восточная крепость-резиденция наподобие турецкого дворца Топкапы, только в гораздо меньшем масштабе. Именно в «граде» затворились от Ивана Руно и его бравых молодцев оставшиеся защитники столицы в 1469 году после сожжения посада. Упоминается данная укрепленная часть города и в контексте военных действий 1530 года. Судя по всему, «град» являлся фортификацией последней надежды.

Практически вся остальная столица была деревянной, за исключением бань, пяти каменных мечетей и мавзолеев. Так что пожары то и дело случались здесь и в мирное время, а в ходе штурмов и нападений вражеских сил могла выгореть большая часть города. Способствовали возгоранию и крайне узкие улицы. Их ширина, по данным археологии, не превышала 3–4,5 метра, а удаленность подклетов домов друг от друга — 4–5 метров. Как отмечается в летописях, *«на конех бо невозможно, теснота во граде великая во хоремах»*. На одной только территории кремля археологами найдены следы около 900 различных строений ханского периода.

С другой стороны, чрезвычайная извилистость и теснота улиц иногда играли на руку защитникам в случае городских боев. В 1552 году ворвавшимся в ханскую столицу русским войскам пришлось в буквальном смысле идти по головам: передвигаться по крышам, перекидывая между ними заготовленные мостки, чтобы не передавить друг друга и сохранять широкий обзор.

Столь неправильная «планировка» Казани объяснялась тем, что горожане проживали на огороженных усадьбах произвольной формы. В целом облик казан-

ских улиц во многом походил на любой древнерусский город: с обеих сторон поднимались заостренные чашеколы и дощатые заплоты с украшенными резьбой воротами. При этом районы застройки четко зонировались холмами и оврагами. Как ни шаблонно, наверху, поближе к солнцу, селились знать и богатые слои городского населения. В низинах уныло копошился обычный «казан кешелэр».

Численность казанского войска

Увы, казанского подобия русских разрядных книг или десятен, по которым можно было бы сделать выводы о численности татарского войска, до нас не дошло. Одни исследователи говорят об общей мобилизационной способности ханства аж в 50 тысяч воинов, другие — в 25–30 тысяч, а то и вовсе 15 тысяч, включая тяжелую и легкую конницу и пешее ополчение. Многие до сих пор наступают на «нарративные грабли», слепо доверяя сообщениям отнюдь не документальных источников.

Какие же цифры приводят разные авторы? Сигизмунд Герберштейн пишет следующее: *«Царь этой страны может располагать 30 000 воинов, преимущественно пешими, между которыми черемисы и чуваша самые искусные стрелки»*¹.

Казанский летописец же вовсе говорит о 60 тысячах казанцев и 20 тысячах ногаев, которые пришли в 1505 году под Нижний Новгород.

Щеголяет «точными» данными по численности казанского войска даже «научный» «Трактат о двух Сарма-

---

¹ Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. — М.: Памятники ист. мысли, 2008.

тиях» Матвея Меховского: «Эта Козанская Орда имеет около 12 тысяч бойцов, а при необходимости, когда они созывают и других татар, они могут выставить до 30 тысяч воинов».

Кто из них ближе всего к истине или же все попали пальцем в небо? Сегодня некоторые исследователи пытаются ответить на эти вопросы путем различных историко-арифметических изысканий. Например, посмотреть, какую долю от всего населения составлял мобилизационный резерв Москвы, и экстраполировать это на казанские реалии. Благо по численности московских войск кое-какие документы остались, пусть и начиная со времен Ивана Грозного.

Кто-то спросит: с чего вдруг правомочно примерять на Казань московский наряд? Дело в том, что оба государства в рассматриваемый нами период имели одинаковую организацию: это были оседлые феодальные монархии¹. Значит, в ханстве и в Русском государстве применялись схожие принципы мобилизации. Невильно различались также их сельскохозяйственные условия. Возможно, где-то около Волги и Камы «подрайские» нивы несколько превосходили московские своим плодородием. Но это не была такая разница, как между цветущим Провансом и песчаным Каракумом. Следовательно, Казань с Москвой могли задействовать в войне примерно равный процент своего населения. Чем выше прибавочный продукт от земледелия, составляющего базис феодальной экономики, тем больше людей в принципе имеют возможность заниматься чем-то еще, например воевать. Не соблюдешь

---

¹ Небольшие кочевые группы, обитавшие на окраинах ханства, составляли лишь каплю в оседлом море и не отличались высокой мотивацией воевать за ханскую власть, от которой, в общем, ничего не получали.

пропорцию, и «всадник, имеющий меру в руке своей», сделает всю работу за противника.

Что же мы видим в Великом княжестве Московском? Маститые исследователи данного периода, такие как Александр Филюшкин и Алексей Лобин, оценивают мобилизационный потенциал Русского государства на пике правления Василия III, когда были присоединены Смоленск, Рязань, Псков, максимум в 50 тысяч воинов (а скорее в 35–40 тысяч). Одна половина из них — бояре, дети боярские и дворяне, другая — их послужильцы. О том, как получена такая цифра, расскажем в соответствующей главе. Сейчас для нас важно, что возможности волжского ханства никак не могли превосходить такое значение. Иначе речь шла бы не о покорении Казани Москвой, а совсем наоборот.

Другой известный историк, Виталий Пенской, оценивает мобилизационный потенциал Московского государства уже во времена Полоцкого похода Ивана Грозного приблизительно в 100 тысяч воинов. Оговоримся, что это именно потенциал — гипотетическое предельное количество ратников, которое на деле никогда не собиралось. Всего же в царстве тогда проживало порядка 5 миллионов человек. Как нетрудно посчитать, максимум под пищаль и саблю можно было поставить не более 2 % от населения, и то лишь в теории.

Теперь примерим получившееся процентное соотношение на Казань. По очень примерным оценкам исследователей, на начало XVI века во всем ханстве проживало не больше 500 тысяч человек. Даже на старте XVIII столетия коренное население Среднего Поволжья насчитывало менее 700 тысяч. По грубой московской аналогии выходит, что потолок для всего ханского войска — 10–15 тысяч, включая и военно-служилую

аристократию с ее корпорациями, и казаков, и ополчения от даруг.

Правда, некоторые историки считают, что в Казани процент военно-служилой прослойки был несколько больше, чем в Русском государстве. По мнению Искандера Измайлова, она могла достигать аж до 10 % от населения. В таком случае Казань располагала бы 50 тысячами только профессиональных военных, не считая гипотетических ополченцев. Тогда казанцам ничего не помешало бы одним махом завоевать и Москву, и Великое княжество Литовское в придачу. Скорее всего, доля военно-служилой аристократии в Казанском ханстве не сильно разнилась с Русским государством и составляла скромные 1–2 % (да, именно такую долю могло позволить себе оседлое феодальное государство). Это где-то 5 тысяч беков, мурз, казаков и чурь. Еще столько же или в два раза больше гипотетически можно было собрать ополченцев от даруг и подвластных татарам народов. Отправить же на войну даже десятую часть населения означало для Казани нанести непоправимый удар по своей экономике и кормовой базе.

Озвученные цифры не должны никого смущать, ведь поволжское ханство — не кочевая Ногайская Орда. Номадного населения, наиболее легкого на подъем в случае войны, проживало в Казани совсем немного. Да и лояльность к центральной ханской власти небольших и довольно самобытных кочевых групп на окраинах казанской земли оставляла желать лучшего. Бесчисленными табунами дико пасущихся лошадей, которых можно было наловить для Батыевых орд, Казань не располагала. Что касается отрядов ногайцев, то и дело воевавших на стороне казанцев, то численность их обычно оказывалась невелика. Две тысячи союзных ногайцев — уже большая редкость.

Если проследить свидетельства из источников, одновременно в поход со стороны Казани выдвигалось не более 4 тысяч воинов даже в ходе самых масштабных операций. В большинстве случаев действовали группы в несколько сотен ратников. Если верить летописям, в 1446 году к Устюгу пожаловало 700 казанских татар. Столько же воинов отправил в 1489 году «сын-брат» великого князя Московского Мухаммед-Эмин в вятский поход по запросу Белокаменной. В летописном описании Русско-казанской войны 1467–1469 годов фигурирует казанская судовая рать в 200 человек.

Встречаются и исключения, когда в источниках говорится о гораздо более крупных контингентах. Во-первых, такие примеры довольно редки. Во-вторых, их правдоподобность вызывает вопросы. Возьмем сообщение Воскресенской летописи о нападении 6 тысяч казанцев на Балахну 6 января 1536 года. Реплика летописца, что татары не брали «живой полон», дабы себя «не обременять», звучит странно. Шесть тысяч казанцев при желании легко угнали бы всех жителей Балахны. Да и столь огромная сила почему-то решила обойти стороной Нижний Новгород, в котором находилось всего 300–400 детей боярских. Хотя чуть позже, в том же году, казанцы заявили-таки под Нижний Новгород, о чем быстро стало известно русским воеводам. В ходе отражения татарского нападения князь Федор Мстиславский уничтожил неприятельский «загон» в 50 человек.

Затем, весной 1540 года, *«приходили на Костромские места казанские люди, Чура Нарыков, а с ним было 8000 человек казанцов и черемисы и чувашии...»*¹

---

¹ Цит. по: Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. — 1951. — Т. 8. — С. 288.

Все ограничилось традиционным грабежом сел, что наводит на мысль о каких-нибудь нескольких сотнях казанцев вместо заявленных в летописи 8 тысячах. Города татарские гости, как обычно, обходили стороной. Да и официальное московское летописание хранит полное молчание об этом набеге, хотя его успешно отразили. Известия о победе русских ратей над восьмитысячной татарской ордой раздавались бы из каждого «утюга» XVI века и уж точно должны были отразиться в главных государственных хрониках.

Еще одна приведенная в региональных летописях цифра — 30 тысяч казанских и ногайских воинов, пришедших 18 декабря 1540 года под Муром, вообще находится за гранью здравого смысла. В свое время примерно таких же сил хватило Батыю, чтобы покорить всю Русь и установить 200-летнее иго. Тем более в источнике сказано, что татары пришли в 1540-м «безвестно», то есть тихой сапой. Закончилось вторжение казанской «тридцатитысячной орды» ее организованным бегством от владимирцев и касимовских татар, которые явились на выручку муромцам.

Словом, редкие летописные известия о «тьмачисленности» казанских войск при более детальном рассмотрении кажутся лишь художественной гиперболизацией. Эпизоды же с более скромными цифрами, по мнению ряда исследователей, явно включают переработанную информацию из военных донесений и свидетельств очевидцев. Об этом говорят прочие детали (например, как татары переправлялись через реку и т. д.), не имеющие никакой идеологической нагрузки, — выдумывать подобное летописцу было попросту незачем. Значит, есть хотя бы минимальная вероятность, что и сведения о численности непри-

теля хронист черпал из более-менее объективного источника.

Помимо нарративных свидетельств, дошел до наших дней и кое-какой актовый материал, где отражено количество казанских служилых людей. Правда, относятся такие документы уже ко временам, когда Казань вошла в состав Русского государства. Так, на время Ливонской войны есть сведения о 226 служилых казанских татарах, 424 свияжских и порядка 350 марийцев с чувашами. Даже с учетом того, что к этому времени часть военно-служилой прослойки обнулилась в ходе завоевания ханства и последовавших Черемисских войн, цифры из документов говорят о скромном количестве казанских профессиональных ратников.

Итак, «выдающийся» польский «ученый» Матвей Меховский, как ни странно, оказался ближе всех к истине в своей оценке численности войска поволжского ханства.

Оружие, доспехи, снаряжение

Как любят повторять некоторые исследователи, казанский воин XV–XVI веков имел мало общего с *«нелепым всадником в овечьем тулупе»*, надолго прописавшимся на страницах учебников и монографий. Хотя полный комплект вооружения и доспехов могли себе позволить лишь знатные воины. Чем же именно казанцы, по выражению итальянского купца, путешественника и дипломата Иософата Барбаро, избивали врагов так, *«что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов»*? По словам историка Искандера Измайлова, немногочисленная панцирная рать применяла копыя рыцарского типа: с древками длиной в 3–4 метра, узкими четырехгранными на-